

1988. — 2 дек. — с. 19

С известным поэтом-сатириком и драматургом Николаем Альфредовичем Адуевым я ВПЕРВЫЕ ПОЗНАКОМИЛСЯ (боже, какой безграмотный оборот, но ведь бытует!), будучи маленьким школьником в Ленинграде (тогда еще Петрограде) на дне рождения у моей сверстницы и подружки Диты. Дочери уже, на мой взгляд, пожилого (29 лет) артиста Леонида Осиповича Утесова. Было там еще много друзей Дитиною папы — дядя Миша Зоценко, дядя Валя Катаев, дядя Исаак Бабель, дядя Володя Горовец, и еще много других дядей и тетей — со многими из них мне впоследствии довелось дружить, а с некоторыми и работать.

Но больше всех нам, детям, понравились снизошедшие до нашего общества дядя Володя Софроничий и дядя Коля Адуев. Дядя Володя поражал наше воображение своим непостижимым умением любить, даже самую сложную и длинную фразу немедленно и совершенно точно произносить с конца (этим редким даром он неоднократно удивлял меня и в мои зрелые годы). А дядя Коля сыпал шутками, каламбурами, рассказывал забавные истории, читал стихи, в которых рифмовалась вся строка. Одно такое даустище я помню до сих пор:

*Угар и чад.*

*В огне ведро мадеры,  
«Уга» — рычат во гнев  
дромадеры.*

Вообще он блистательно владел техникой стиха, как и большинство его соратников по группе «конструктивистов».

Потом я сыграл на рояле чудовищно безграмотную пьеску «Дита-вальс», сочиненную мной и преподнесенную в качестве дара юной хозяйке праздника (к моему позору, она была сырана через 50 лет на юбилее Утесова). Дядя Володя снисходительно улыбался, а дядя Коля подошел ко мне и неожиданно вполне серьезно сказал:

— А ты бы, малый, не бросал этого занятия.

— А я и не собираюсь! — так же серьезно ответил я.

И, как читатель, очевидно, заметил, так и не собрался.

\*\*\*

Годы прошли, пролетела, промелькнули, пронесли (у каждого по-разному), а встречи с дядей Колей, а впоследствии с Николаем Альфредовичем, а уж совсем потом с Колей (сначала

на «вы», а потом и на «ты» продолжались. Мы виделись почти каждый раз, когда он приезжал в Ленинград, а я — в Москву...

...Начало 1930 года. Школа уже закончена (51-я, трудовая). И уже поставлена в Ленинграде моя первая оперетта, на премьеру которой меня пыталась не допустить билетерша, посовещавшись прийти с мамой на утренник. И с Адуевым мы уже, если не на равных (возрастная разница еще сказывалась), то хотя бы как симпатизирующие друг другу деятели искусства — я вроде уже профессионал. И сидим мы с ним, его соавтором А. Арго и артистом В. Хенкиным за одним столиком в ресторане актерского клуба «Кружок», что недавно открылся в Москве, в Староменовском переулке. А через два столика от нас — Маяковский (узнал по фотографиям), Катаев (спросил: «Кто это?»), конференсье Менделевич и ныне здравствующий, тогдашний директор «Кружка» Б. М. Филиппов.

Известный эстрадный артист Н. П. Смирнов-Сокольский (в будущем тоже Коля) в разгар веселого ужина, когда от стола к столу летели лихие шутки, эпиграммы, каламбуры, вышел на крохотную эстрадку, попросил тишины, которая, будучи весьма относительной, воцарилась не сразу, и обратился к Маяковскому с провокационной просьбой:

— Владимир Владимирович! Мы вот тут прослышали, что у вас есть прекрасная эпиграмма на вашего коллегу Николая Адуева. Сделайте милость, ознакомьте население!

Надо сказать, что действительно блестящая эпиграмма, которую явно имел в виду Сокольский, была не очень пристойной и публичное ее оглашение могло вызвать немалое смущение среди представителей слабого пола (хотя в нынешних кинофильмах и не такое услышишь).

Однако Маяковский согласно кивнул и встал. Тишина усилилась (определение несколько парадоксальное). И, обманув напряженно ожидавшего Смирнова-Сокольского, прочел совершенно другую эпиграмму, но тоже на Адуева. Не думаю, чтобы кто-либо из читающих эти строки ее знал — эпиграмма эта, по моему, нигде не публиковалась.

◆ У КАМИНА  
«РЕВИЗОРА»

Никита БОГОСЛОВСКИЙ

# ДЯДЯ КОЛЯ АДУЕВ

*Я скандалист, а не монах,  
Ищу повсюду я Адуева.  
Ищу его у облака в штанах,  
Но как в таких штанах  
найду его?!*

Зал грохнул смехом, зааплодировал. Адуев, слегка поблуднев, резко вскочил с места и попросил разрешения (высокий профессионал!) тотчас же ответить. И продекламировал взволнованно, не запинаясь:

*Вы явно скандалист,  
а не монах,  
Но не обманете  
и малого мальчонка  
Зачем меня искать  
у облака в штанах,  
Когда известно всем,  
что я у вас в печенках!*

Маяковский несколько секунд промолчал, явно оценивая высокое мастерство коллеги, а потом, искренне расхохотавшись, под бурные аплодисменты всей публики, подошел с бокалом вина к нашему столику, чокнулся с Адуевым, и они тут же помирились, будучи до этого в недолгой и незначительной ссоре на литературной почве. Меня Адуев, упоенный своим успехом, с Маяковским не познакомил. И видел я великого поэта впервые и последний раз в жизни.

\*\*\*

Я думаю, что ко мне первому пришла идея вывести на театральную сцену шедевр советской литературы — роман Ильфа и Петрова «12 стульев». Об этом свидетельствует мое письмо авторам романа, ксерокопию ко-

елит Россия - 1988 - 2 дек - с. 19